

ДАНИЛ КОРЕЦКИЙ

КТО НЕ ДУМАЕТ
О ПОСЛЕДСТВИЯХ...

Данил Аркадьевич Корецкий
Кто не думает о последствиях...
Серия «Меч Немезиды», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272268

Данил Корецкий. Кто не думает о последствиях...: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085563-6

Аннотация

При переходе границы в горном районе Кавказа убит известный международный террорист Дауд, при котором обнаружен детонатор к портативному ядерному фугасу. Постепенно вырисовываются контуры зловещего плана международного терроризма по проведению невиданного по масштабу террористического акта. Следствие пытается проникнуть в самую гущу кавказского бандподполья, но оно «крышуются» фигурами, имеющими значительный должностной и политический вес. И тогда на выполнение задания направляется дивизион «Меч Немезиды». Удастся ли ему выкорчевать глубоко проросшие корни терроризма

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Данил Корецкий

Кто не думает о последствиях...

Меч Немезиды-2

*Кто думает о последствиях, тот не герой.
Кавказская поговорка*

*А кто не думает – тот безумец.
Дополнение автора*

© Корецкий Д.А., 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Корецкий Данил Аркадьевич – доктор юридических наук, профессор, полковник милиции в отставке, заслуженный юрист России, почетный сотрудник МВД, член Союза российских писателей. Работал в органах прокуратуры, юстиции, с 1980 года – в органах внутренних дел. Автор более 400 газетно-журнальных публикаций о борьбе с преступностью, более 200 научных работ и ряда бестселлеров: «Антикиллер», «Пешка в большой игре», «Оперативный псевдоним», «Секретные поручения», «Атомный поезд» и др., общий тираж которых превышает 20 миллионов экземпляров. Четырежды лауреат литературных премий МВД СССР и МВД России, лауреат Высшей юридической премии «Фемида». Доскональное знание преступности и методов борьбы с ней позволяет автору создавать достоверные образы и сюжеты, привлекающие внимание широких слоев читателей.

Глава 1

Барсы не едят мертвых

Горная Грузия

В горах, на высоте почти двух тысяч метров, и в конце августа погода не очень ласковая. С утра над перевалом сгущались облака, растворив в себе окружающие вершины, а к обеду начался дождь. Взъерошенные куры, кудахча, забились в сарай, и коза пришла туда же, – животным явно не хотелось мокнуть. В загоне из жердей блеяли овцы – им тоже не нравилось жаться под холодными струями, но деваться некуда: только зимой их переведут в скотный сарай, где постоянно живет низкорослая корова местной породы.

Гоча как раз колот под навесом дрова: скоро зима, дороги занесет – ни пройти, ни проехать. Раньше, в советские времена, тут регулярно летали «Ан-2», они стали обыденными, словно автобусы на равнине: не успеет остановиться пропеллер, как древние старухи, в черных длинных платьях и платках, не по возрасту быстро бежали к трапу, ловко забирались внутрь, удобно усаживались поближе к окну, мужчины в куртках из домотканой шерсти и каракулевых шапках привычно втаскивали баранов, большие мешки с сыром, бидоны с молоком... И вертолеты прилетали часто: доставляли врачей, ветеринаров, агрономов и всяких попутных пассажиров. Об этом даже в фильме «Мимино» показывали – все тушинцы его по много раз пересмотрели. Путешествие через хребет по воздуху стало обычным и будничным. Ведь если добираться до ближайшего селения на Алазанской равнине через перевалы с вьюками, потребуется не менее двух дней! А теперь ничего этого нет: только вертолет пограничников прилетит раз в месяц – и все!

Потому к зимовке надо сделать заготовки с запасом: и дрова, и еду, и все, что нужно... Как на арктической станции!

Гоча уже выкопал всю картошку – мешков десять, очистил от земли, просушил, засыпал в отгороженный досками угол подвала. Нана завялила мясо, засолила огурцы, помидоры, черемшу, заквасила капусту да отправилась зимовать к детям, на равнину. Жена моложе на семь лет, ей нужно разнообразие, движение, какие-то занятия – будет в городе по магазинам ходить, готовить, внуков нянчить, с соседями болтать... А Гоча привык к своему дому настолько, что и палкой не выгонишь... К тому же в старости плохо спится на чужих подушках...

Дождь его расстроил: не везет так не везет. В шестьдесят лет уже нелегко водить туристов по крутым тропам, вот он и выделил две комнаты под «гестхауз»: выкинул все лишнее, побелил стены, навесил домотканые ковры с квадратными узорами, новое белье купил, полотенца, дополнительные стулья, посуду, даже зубную пасту и щетки на всякий случай... Огромного «кавказца» Джима отдал Бесику в Нижнее Омало, чтобы не пугал гостей... Только где они, эти гости? Обновленные комнаты почти всегда пустуют... Конкуренция большая – в Верхнем Омало всего около пятидесяти домов, а в пяти принимают гостей...

Они с Сандро живут на краю села: прямо за дворами начинается крутой склон в ущелье, и оба открыли гостиницы, но у соседа дом попросторней, большая веранда и вид из окна – прямо на старинную крепость... Для туристов это экзотика, потому у него чаще есть постояльцы, хотя и берет он дороговато – сто двадцать лари в сутки с питанием. Вот и сейчас живут двое – позавчера приехали. Только зачем, непонятно! Ни к перевалу не пошли, ни в крепость, ни на лошадях по Тушетии не поехали... Может, они эти, как называются... Как немцы?

Те тоже приехали вдвоем, жили у Важи, а там целая компания с равнины – молодые ребята с девушками. Ну, пригласили иностранных друзей к столу – шашлык, чача, вино,

тосты... Все шло хорошо до тех пор, пока немцы, услышав тост про любовь, не стали целовать друг друга в губы. Увидев такое, опешившие парни избили извращенцев, а затем связали руки-ноги да так и бросили в реку. Хорошо, что мелкая, те только перемерзли да испугались... Важа с сыновьями их вытащил да отправил, от греха, в Телави...

Гоча воткнул топор в иссеченный чурбак, занес дрова в дровяной сарай, сложил в поленницу, осмотрел. Хватит, пожалуй! Хотя, на всякий случай, можно еще наколоть – запас карман не тянет... Не в эту зиму сожжет, так в следующую...

Накинув на разгоряченное тело овчинную безрукавку, он трусцой пробежал под холодными струями к дому, снял обрезанные по щиколотку резиновые сапоги, в протертых шерстяных носках прошел по стареньким полотняным дорожкам к допотопному, образца шестидесятых годов, буфету. Налил из большой, грубого синеватого стекла бутылки чачи в маленький граненый стаканчик, с расстановкой выпил в несколько глотков, наслаждаясь духом винограда и чувствуя, как семидесятиградусная жидкость обжигает пищевод и разбегается по жилам, восстанавливая затраченные силы. Затопить, что ли, печь? Да нет, если бы были постояльцы – другое дело, а сам он и так не замерзнет... Конечно, он надеялся, что гости все-таки приедут, но погода спутала все планы. Хотя... Что там за шум?

Гоча подбежал к окну и припал к стеклу, глядя на приближающийся по раскисшей дороге «уазик» комбинированного черно-зеленого цвета. Туристы, больше некому!

Накинув плащ-накидку и прихватив еще две, Гоча вышел на улицу. Своих нынешних постояльцев Сандро у него перехватил, воспользовавшись тем, что Гоча доил козу в сарае. А когда вышел, то машина уже уезжала. Видно, Сандро выскочил навстречу, махал руками, вот и зазвал к себе. Иначе никак – дом соседа стоит дальше по дороге и выше на склоне, чего бы они мимо Гочи проехали... Но второй раз у него такой фокус не пройдет!

Гоча огляделся. Соседа не видно, судя по густому дыму над трубой – растапливает печь, ублажает постояльцев. Ничего, и он сейчас затопит... Если, конечно, очередной гость не договорился с этим пронырой!

Но «УАЗ» остановился рядом с ним. Из задней двери пружинисто выскочил молодой мужчина в расстегнутой зеленой брезентовой куртке с капюшоном, сером свитере, широких черных брюках из толстой ткани и высоких шнурованных ботинках. Не обращая внимания ни на дождь, ни на Гочу, он вытащил объемистый рюкзак с притороченным длинным свертком и с лязгом захлопнул дверцу.

«УАЗ» зачем-то сдал задом, развернулся и уехал, Гоча даже не рассмотрел, кто был за рулем. Ему вдруг показалось, что эта же машина привезла и двух постояльцев Сандро. Странно! Внизу, в Алвани, целая «биржа» извозчиков, которые за двести лари отвезут хоть в Нижнее Омало, хоть в Верхнее, хоть в Шенако, хоть в Дартло! И всех он хорошо знает, а вот этот «УАЗ» видит второй раз... Может, правда, он возит пассажиров из самого Телави? Но почему так быстро уехал, не дождавшись размещения пассажира, как будто вопрос о поселении уже решен? Надо будет спросить у гостя...

Тяжело нагруженный человек в зеленой куртке, по-прежнему не обращая внимания на хозяина, подошел к калитке. Они встретились взглядами, и Гоча расхотел задавать какие-нибудь вопросы.

– Гамарджоба, генацвале! – поздоровался он, как положено, хотя обычная приветливость исчезла из голоса сама собой.

– Здравствуй, отец, – буркнул тот, откидывая капюшон. Лицо его оставалось непроницаемым. Длинный нос с горбинкой, прищуренные холодные глаза, впалые щеки, заросшие черной щетиной, квадратный, выдвинутый вперед подбородок. Короткая стрижка с блестящими вкраплениями седых волосков открывала маленькие остроконечные, прижатые к голове уши. Года тридцать два, говорит без акцента, хотя чувствуется южная кровь... Азербайджанец, что ли? Ничего, разговоримся, все и узнаем...

– Заходи в дом, дорогой, сейчас протоплю, тепло будет, – суетился Гоча, как и положено гостеприимному хозяину. – Дождь зарядил дня на три. Но это ничего, будем пить кахетинское, я цыплят зажарю, можно шашлык сделать... Меня Гоча зовут, а тебя?

– Азат, – коротко ответил гость. – Только я не пью вина.

Азат по-персидски – «свободный человек», но это имя популярно и в Азербайджане, и в Армении, и в Иране, так что Гоча в очередной раз затруднился с определением национальности приезжего. А краткость и тон ответа показали, что вряд ли он «разговорится» за дружеской беседой, да и сама задушевная беседа вряд ли состоится...

В дом тот вошел, не разувшись, даже ноги не вытер, оставляя на половичках грязные рубчатые следы. Гочу, который держал жилище в чистоте, это покорило. Но какой ни есть этот Азат, а он гость. В конце концов, половички и постирать нетрудно...

– А чачу? У меня чача хорошая...

– И чачу не пью. Еще вопросы есть?

У Гочи было много вопросов. И зачем сюда приехал недружелюбный незнакомец, и сколько дней собирается тут прожить, и почему он один: обычно приезжают компаниями – веселей, и расходов на машины да проводников меньше... Да и вообще, когда в горы попадают люди с равнины, с ними интересно поговорить: тут ведь телевизор не показывает, и радиоприемник плохо работает, вокруг одни и те же лица, а у свежего человека все новости и выспросишь...

– Нет вопросов, дорогой! Проходи в свою комнату, отдыхай, я на стол приготовлю...

Гоча не смог бы объяснить, почему не стал расспрашивать гостя. Но это решение было очень мудрым и правильным. Потому что тот, кто представился как Азат, неукоснительно следовал правилу: убивать всякого, кто задал больше трех вопросов. Даже таких обиденных и невинных, как те, что хотел задать хозяин. И хотя об этом Гоча тоже не знал, но когда решил ни о чем не спрашивать, неизвестно почему испытал огромное облегчение.

Приезжий ему не понравился. Не только недружелюбием и грубостью. От него исходила осязаемая на биологическом уровне угроза, как от ощерившегося волка. И вид у него был волчий – хищник в человеческом обличье. Холодный, беспощадный взгляд, жесткая линия губ, плохо скрытая агрессия... Абрек – вот на кого он похож! В молодости Гоча водил контрабандистов через перевалы и повидал много таких типов... Но зачем он забрался сюда? Может, охотиться на занесенных в Красную книгу снежных барсов? Вон, в длинном брезентовом свертке у него что? Ясно, что не удочки...

Гоча спустился в подвал за продуктами. На запасенном с зимы льду лежали слеplенные вчера хинкали, мясо зарезанного позавчера барашка, на крюках под потолком висел свежий сыр... Когда он с полным подносом поднялся по скрипучей лестнице, оказалось, что его поджидает Сандро. Сосед неловко переминался с ноги на ногу.

– Мои гости хотят к тебе на обед прийти, – сказал он, глядя в сторону.

– Что?! – не поверил Гоча.

Это был большой позор. Значит, хозяин плохо кормит постояльцев, если они просят к другому... Но Сандро не был замечен в таких делах. Да и никто из сельчан – тоже.

– Я бы и цену снизил, и вообще... – Сандро удрученно развел руками. – Не могу понять, в чем дело...

– А зачем ты их у меня перехватил? – не удержавшись, спросил Гоча. – Я только зашел козу подоить, а ты сразу и выскочил навстречу!

– Да куда я не выскакивал, – сосед недоуменно покачал головой. – Они сами прямо к дому подъехали... Сказали – знакомые у меня жили...

Похоже, Сандро не врал.

– Ну, ладно, – махнул рукой Гоча. – Проехали... А насчет обеда... – Он почесал затылок. – Раз хотят, пусть приходят. Только ты мне помоги шашлык пожарить. Я на троих не рассчитывал...

– Конечно, помогу! – обрадовался Сандро. – Всё сделаю!

Через час трое приезжих сидели за накрытым столом, с аппетитом ели шашлык, сыр, лаваш и, хотя только что познакомились, оживленно разговаривали. Вопреки подозрениям Гочи, постояльцы Сандро не напоминали тех немцев. Здоровые грузинские мужики, с грубыми лицами, классическими орлиными носами и холодными глазами под широкими сросшимися бровями... Манерами и волчьими повадками они скорее походили на Азата. Тоже абреки, только рангом пониже. И держались они, как подчиненные. Когда хозяин входил со свежим шашлыком, разговор прекращался, и все трое бросали на него недобрые взгляды.

Но Гоча их не боялся. По характеру тушинец – почти хевсур, или сван, а с ними, как хорошо известно, лучше не связываться – люди жесткие, бесстрашные. Всё ведь от силы духа зависит. Даже поговорка такая есть: «Если сердце из железа, и деревянный кинжал хорош!» А под телогрейкой у Гочи висел самый настоящий родовой кинжал, который не заржавел за сто пятьдесят лет, потому что время от времени пил кровь врагов. Хотя в последние десятилетия этим не хвастались.

Вино и чача остались нетронутыми. Гоча отметил, что гости Сандро были бы не против выпить, но Азат им запретил. Или просто не одобрил, а они его послушались. Вообще, Гоче показалось, что все трое были раньше знакомы. Или у них был общий знакомый и общие дела.

Краем уха он услышал, что упоминали о каком-то вертолете, который должен прилететь за этими двумя. Не похожи они, правда, на тех, за которыми вертолеты прилетают. И лица простецкие, и куртки дешевые, камуфляжные, и свитера крупной домашней вязки... Только ботинки дорогие – высокие, на шнуровке, как у Азата... Хотя кто их сейчас разберет – у богатых свои причуды. Да и какая Гоче разница? Они ведь не у него живут...

Неожиданно Азат вежливо подозвал его, поблагодарил за вкусный обед, поинтересовался: когда закрываются дороги, много ли народу остается зимовать наверху? И его сотрапезники спрятали недобрые взгляды, даже улыбались. Но они не перестали быть волками: просто натянули овечьи шкуры, а суть осталась прежняя, и исходящая от всей троицы угроза никуда не делась, может, только чуть снизилась.

– В конце сентября уже пойдет снег, а с октября по июнь дороги закрыты, – обстоятельно рассказал Гоча. – У нас многие остаются, а в Шенако только две семьи. В Дартло и вовсе один Арсен зимует...

Гости переглянулись.

– А правда, что в здешних краях свои обычаи, не такие, как на равнине? – спросил Азат. Гоча понял, что тот просто заговаривает зубы, отвлекает. Только не понял – зачем?

– Правда. Мы православные христиане, но свинину в Тушетию ввозить запрещено, хотя внизу мы ее едим, – также обстоятельно ответил хозяин. – Здесь есть святые места, куда женщинам нет входа. Например, в нашу православную церковь женщин не пускают – таковы заветы предков.

– Спасибо, отец. – Азат встал, давая понять, что обед закончен.

Сандро увел своих гостей, Азат почти сразу ушел спать. И Гоча тоже лег, но привязал дверь веревкой, а под подушку положил «харбук» – большой однозарядный пистолет, стреляющий самодельным патроном из обрезанной винтовочной гильзы с шариком от подшипника на мощном пороховом заряде. Такой пробивает человека навывлет.

Ночь прошла спокойно. Следующие три дня шел дождь. Азат никуда, кроме туалета, не выходил. В еде он был непривередлив, довольствуясь хинкали, мамалыгой, сыром. Гости Сандро больше обедать не приходили.

На четвертый день дождь перестал, тучи рассеялись, горные хребты вновь проявились во всей своей красоте и величии. После завтрака Азат сообщил, что он сегодня улетает в Тбилиси. Что ж, улетает так улетает – у Гочи как гора с плеч свалилась, и он с нетерпением ждал этого момента, то и дело поглядывая на часы и даже поднося их к заросшему седой щетиной уху. Наконец, вскоре после полудня, раздался мощный гул вертолетного двигателя.

Как и положено, хозяева проводили своих гостей, благо поле аэродрома находилось совсем рядом, прямо за домом Сандро. Тяжелый багаж постояльцы тащили сами, никому не доверяя. Тушинцы обратили внимание на притороченные к рюкзакам ледорубы: на альпинистов их постояльцы были мало похожи...

Прощание было коротким и, мягко говоря, прохладным – Азат небрежно кивнул, а те двое даже головы не повернули. Гоча и Сандро молча смотрели, как странная тройца грузилась в вертолет. Один залез внутрь, ему передали большие рюкзаки и длинные свертки, потом в металлическое чрево забрались остальные, люк захлопнулся, лопасти начали раскручиваться. Через минуту «Ми-8» защитного цвета косо взлетел и взял курс на Тбилиси.

Соседи проводили его взглядами, синхронно перекрестились и тут же вопросительно уставились друг на друга.

– Значит, с радостью гостей провожаешь, друг? – поинтересовался Гоча.

– Еще с какой! – Сандро распахнул овчинную куртку, показав заткнутый за пояс старый, с потертым воронением, наган. – Сегодня хоть спокойно спать буду...

Гоча понимающе кивнул и тем же жестом распахнул телогрейку, продемонстрировав свой «харбук».

– И я тоже выплусь... Зачем приезжали, не говорили?

– Ничего не говорили. Только смотрят, как звери... Я думал, они браконьерить собрались. А они на Тбилиси полетели...

– Да какая нам разница? Улетели – и ладно! – Гоча, развеселившись, хлопнул соседа по плечу. – Ты лучше посмотри, как красиво!

Он указал пальцем на яркую радугу, повисшую в переполненном влагой воздухе. Некоторое время суровые тушинцы, как дети, зачарованно рассматривали переливающиеся краски. И одновременно увидели вертолет, летящий на большой высоте в сторону гор, туда, где проходили границы с Чечней и Дагестаном.

– Возвращается, что ли? – Гоча перестал улыбаться. – Или это другой?

– А что, сегодня воздушный парад? – резонно спросил Сандро. – То раз в месяц прилетают, а то по два в день? Нет, это точно наши! Нацелились барса бить!

Он сплюнул. Гоча тоже сплюнул, и они разошлись по домам. Настроение у обоих было испорчено.

* * *

В грузопассажирском «Ми-8Т» пространство по левому борту между входным люком и хвостовой частью оказалось почти полностью занято какой-то емкостью типа большого топливного бака, выкрашенной в желтый цвет и прикрученной к полу. Азат уселся рядом, положил руку на желтый металл – будто девушку обнял.

– Что у вас здесь?

В торце салона, между люком и кабиной, восседал на откидном сиденье склонный к полноте бортинженер, в синем комбинезоне и с наушниками на растрепанных рыжих волосах.

– Дополнительное топливо, – лениво ответил он.

– А по инструкции это небось запрещено, – усмехнулся Азат.

Рыжий скривился.

– По инструкции все запрещено. В горах заправок нет. Как летать-то?

– Тоже верно! – Азат встал и молча зашел в кабину, как будто был легчиком-инструктором, находящимся на борту с проверкой.

– Умные все стали! – пробормотал бортмеханик, посмотрев ему вслед. Потом укоризненно оглядел сидящих напротив двух суровых мужчин, перевел взгляд на их объемистый багаж, который лично он надежно принайтовал к полу посередине салона, не услышав даже обычного в таких случаях «спасибо»... Но, как рыжий ни глядел, как ни хмурил брови, пассажиры не обращали на него никакого внимания и не проявляли ни малейшего уважения к летному составу. Вон тот, поборник инструкций – встал и пошел в кабину пилотов, даже для приличия не спросив разрешения у него как у представителя экипажа. Конечно, они сами виноваты – раз берутся за коммерческие рейсы, раз командир поощряет нарушения правил поведения на борту воздушного судна, то какого уважения можно ожидать?

Рассчитанный на двадцать четыре пассажира салон казался пустым, в нем стоял стойкий запах горелого керосина, ревели двигатели, от вибрации зловеще пели тонкие металлические стенки. В иллюминаторах совсем рядом проплывали скалы, временами они накренились и надвигались, как будто хотели пробить борт. Машина начала подергиваться, все чаще проваливаясь в воздушные ямы – сказывалась разреженность воздуха. Пассажиры утратили свой надменный вид, съежились и позеленели. Как бы блевать не начали, весь салон загадят...

Гигиенические пакеты в транспортном вертолете не предусмотрены, поэтому бортинженер привстал и протянул им бумажный мешок с мусором. Тот, кто сидел ближе, принял его дрожащей рукой. Да, эти brutальные парни наглядно подтверждали слова поэта: «Рожденный ползать летать не может!» Представитель летного состава наглядно ощутил свое превосходство и теперь посматривал на пассажиров уже не обиженно, а свысока. Через двадцать минут полета, когда, выбирая место для посадки, пилот зашел на круг и круто положил машину на левый борт, пассажиры, сблизившись головами, все-таки сблевали в мешок, и бортинженер ощутил окончательную сатисфакцию.

В пилотской кабине дело обстояло гораздо благополучней. Азат стоял за креслами пилотов и наблюдал, как командир, ювелирно работая ручкой управления, уверенно вел вертолет между острых черных скал, похожих на зубы старой колдуньи.

– Дальше нельзя! – не оборачиваясь, крикнул он, и Азат острым звериным слухом разбирал сквозь рев двигателей каждое слово. – Воздушные потоки... И граница близко, могут открыть огонь, или лишат лицензии...

Азат выпятил нижнюю челюсть. Очевидно, его молчание стало зловещим, потому что командир на миг обернулся.

– Да и подходящих площадок выше не будет... Вы же не десантники, чтобы прыгать с трех метров...

Это звучало как оправдание.

– Я прыгну, – сказал Азат.

– Что? – Командир сдвинул наушники.

– Ничего, все нормально!

Внизу, среди зловеще оскаленных черных зубов лежала относительно ровная заснеженная площадка – метров двадцать на пятьдесят. Командир дал знак второму пилоту, и тот, сдвинув форточку, чиркнул зажигательной теркой и выбросил наружу картонный цилиндр дымовой шашки.

«Ми-8» сделал еще один круг. Хорошо видимый на белом фоне дым помог определить направление ветра, и пилот, развернувшись навстречу, начал заходить на посадку. Винты подняли в воздух снежную пыль, шасси мягко коснулись твердой земли.

– Спасибо, командир! – сказал Азат и протянул долларовую «котлету», перехваченную аптечной резинкой.

– Пожалуйста! – Первый пилот взял деньги. – Обращайтесь!

– Обязательно! Через три дня еще летаем!

Азат вышел в салон. Бортинженер уже открыл люк и закрепил трап. Азат пружинисто выпрыгнул первым и внимательно осмотрелся. Рыжий «представитель экипажа» помог сомлевшим пассажирам выгрузить вещи. Двигатель не глушили, как только высадка закончилась, вертолет рванулся вверх, так что люк бортинженер задривал уже во время взлета. Напоследок он отметил, что вид у этих двоих был жалкий: покачиваясь, как пьяные, сгорбившись и затыкая уши, они отбегали от страшного летающего чудовища, вынудившего их выказать страх перед посторонним. В следующую секунду стальная крышка закрыла проем вместе с картиной заснеженных гор, грудой багажа на поляне и возвращающимися к нему, очевидно, по окрику своего старшего, опозорившимися «бруталами».

Дальнейшая жизнь этих людей уже не касалась членов экипажа. Поэтому бортинженер, забыв про недавних пассажиров, зашел в кабину пилотов, где его ждали более важные и приятные дела.

* * *

Определившись на местности, Азат спрятал GPS-навигатор и направился к своим спутникам.

– Гля, мы чего, в альпинисты поступили? – бурчал тот, кого он назвал «Хмурый», неловко закрепляя на подошвах ботинок «кошки» – стальные пластины с острыми шипами.

– Не нравится мне все это... Мы так не договаривались, – ответил второй – ему Азат присвоил прозвище «Недовольный».

Обозначения эти были условными, потому что и у того, и у другого на хмурых физиономиях застыло выражение высокомерного недовольства и угрозы. Любой из них мог быть Недовольным или Хмурый. Но Азату надо было как-то различать своих помощников, а имена его не интересовали. Как, впрочем, и они сами.

– А мы никак не договаривались! – презрительно изогнув губы, бросил Азат. – Я просил прислать крепких ребят, вот вас и прислали! А вы... Вертушку заблевали и сейчас зассали...

– Фильтруй базар, брателла! – зло вскинулся Хмурый. – Кто мы есть – за нас пацаны скажут! И не только в республике! Мы с Дато Сухумским работаем, когда он в Москву уехал, мы там тоже гастроль давали! Спроси у ореховских, у солнцевских, да у кого хочешь! Только у нас работа по другой теме... На вертолетах летать или по горам лазить мы не подписывались...

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Азат. – Тут недалеко, ни стен, ни карнизов, пойдем ножками, а вы получите по пять тысяч баксов. И про вертолет я никому не расскажу!

– По пять тонн?! – Хмурый и Недовольный переглянулись. – Это другой базар!

– Пойдем в связке. Солнцезащитные очки не снимать. От меня не отходить. С ледником шутки плохи: раз – и улетишь вниз, даже «кошки» не помогут!

– А куда мы вообще идем? – спросил Хмурый.

«Раз!» – отметил Азат, а вслух сказал:

– Где-то тут самолет разбился. С золотом.

Хмурый и Недовольный переглянулись еще раз. Они понимали друг друга без слов: если найти золото, то зачем им нужен этот фуфел с его пятью тысячами? И баксы заберем, и рыжье... Но почему никому не известный Азат в таком почете у бригадира?

– Слышь, а ты кто? – шмыгнул носом Недовольный. – На блатного не похож, говорить по-нашему не умеешь...

«Два!» – отметил Азат и улыбнулся. Глупые люди, животные, вот как глаза заблестели...

– Инструктор по альпинизму. Никакого золота здесь нет, я пошутил. Давайте, встраивайтесь в связку!

– А вертолет когда вернется? – спросил Хмурый.

«Три!»

– К вечеру. Когда закончим работу, – ответил Азат и зачем-то взглянул на часы.

* * *

Бортмеханик зашел в кабину вовремя. Второй пилот уже разделил пачку сто долларовых купюр на три части, и рыжий сразу получил свою долю. Она была достаточно весомой, и он не стал заикливаться на том, что у пилотов «котлетки» были потолще. В конце концов, они пилотируют, ведут документацию, договариваются с диспетчерами, так что все справедливо.

– Неплохо? – спросил второй пилот и подмигнул.

– Очень хорошо, – кивнул рыжий. – Еще бы почаще...

– Потерпи, на днях опять полетим, – сказал командир.

– Ну и отлично! – широко улыбнулся бортмеханик.

Но им не суждено было куда-то полететь «на днях». Даже довести этот полет до конца они не могли. Потому что их полетное время истекло. Вместе со временем их жизни.

В грузопассажирском салоне раздался посторонний звук – как будто лопнула автомобильная шина. Это взорвался маленький, размером со спичечную коробку, предмет, прилипший магнитом к тыльной стороне желтого бака. Слабый хлопок растворился в реве мощного двигателя, они были несопоставимы, так же, как стограммовая коробочка с двадцатью граммами тротила несопоставима с одиннадцатитонным «Ми-8». Казалось, что крохотная вещица не способна причинить вред огромному вертолету, возможно, так бы оно и получилось, если бы не грамотное расположение взрывного устройства, которое и было рассчитано именно на размещение в наиболее уязвимых местах. Микровзрыв проломил желтую железную стенку, за которой болталось около тонны авиационного топлива, а остальное пространство занимали пары керосина. Содержимое бака вспыхнуло, распирая салон, и в следующий миг вертолет превратился в огромный огненный шар.

Несколько секунд шар по инерции летел вперед, разваливаясь на части, а потом обрушился в узкое и темное ущелье. Члены экипажа так и не закончили разговор, насыщенный приятными ожиданиями.

* * *

Все трое прищелкнулись карабинами к толстой веревке, приготовили ледорубы... Азат помог спутникам сделать страховочные обвязки, проверил крепления, заставил пропустить веревку через плечи, а не под мышками. Обучать азам альпинизма не стал, даже про верхнюю и нижнюю страховку не рассказывал... Не нужно им уже все это, лишь бы до места груз донесли да прикрыли в случае чего. Ничего, Аллах поможет...

За соседним хребтом приглушенно громынуло.

– Что это? – поднял голову Хмурый.

– Гром. – Азат снова посмотрел на часы. – А может, лавина сошла. Хватит разговоров! Давай, вперед, ориентир вон на ту серую скалу!

Связка двинулась в путь: Хмурый – ведущим, Азат в середине, Недовольный – замыкающим. Длина веревки между ними – метров по десять. Они шли по пологому, но довольно крутому склону. «Кошки» то впивались в твердый снег, то цеплялись за лед, то цокали по граниту, тогда идти было тяжелей. Каждый нес рюкзак – у Азата самый легкий, зато содержимое самое хрупкое и ценное. Хмурый и Недовольный размотали свои свертки, извлекли карабины «Тигр» и повесили поперек груди, положив на них руки. Сверток у Азата остался нераспакованным, но тем не менее с правого плеча свисал на ремне АКС-74У¹ стволом вниз.

Сверху они выглядели, как связанные между собой лилипуты, но желтые глаза того, кто наблюдал с острого выступа заснеженной скалы, рассмотрели железные палки, таящие в себе боль и смерть. Черные вертикальные зрачки снежного барса напряженно сузились. На этой высоте у него не было естественных врагов. Там, ниже, до линии снегов, водились кабаны и редкие медведи, но их пути никогда не пересекались. А здесь он единственный властелин, горные козлы и прочая мелочь боится его как огня... И только эти двуногие поднимаются сюда со своих далеких равнин, они ставят на короля гор отвратительно воняющие железом капканы, посылают в него громы и молнии, жалят и убивают маленькими, как альпийские пчелы, пулями... Конечно, есть и безвредные экземпляры – они приходят с длинными веревками, крючками и с утра до вечера карабкаются на вершины, ирбис² для них не представляет интереса – скорей наоборот: их добыть легче, чем муфлона или козу... Но это совсем другие особи – люди с ружьями, их не интересуют заснеженные вершины, им нужен именно он...

Они шли медленно, со скоростью не более двух километров в час, след в след. С каждым километром скорость движения замедлялась, рюкзаки казались все тяжелее, а ветер пронизывал все сильнее. Но на Азате ботинки «Экко»,³ нательное термобелье и куртка из «Гортекса»,⁴ а на «вьючных животных» – плевать, не сдохнут.

После двух часов хода Азат дал команду остановиться. Отойдя в сторону, он разложил карту, достал GPS-навигатор и привязался к местности. До «точки» оставалось километра три, но к самому центру добираться не обязательно, достаточно пройти еще два километра, и все будет нормально...

Его спутники справили малую нужду и, вытянув ноги, уселись на снег тут же, рядом с желтыми потеками.

«Точно животные!» – брезгливо подумал Дауд.

– Далеко еще? – тяжело дыша, спросил Недовольный. Солнцезащитные очки он снял.

«Четыре!»

– И, в натуре, чего мы ищем? – встрял Хмурый. Он тоже поднял очки на лоб.

«Пять!»

– И чего ты навигатором вымеряешь? – Это опять Недовольный.

«Шесть!»

– Наденьте очки!

– Так солнце сзади...

– А про снежную слепоту слышал? – раздраженно бросил Азат.

Помощники нехотя подчинились.

– Так чего ты навигатором ищешь? Значит, есть самолет с золотом?

«Семь!»

¹ Автомат Калашникова складной укороченный.

² Ирбис – снежный барс.

³ «Экко» – марка дорогих зимних горных ботинок.

⁴ Мембранная «дышащая» ткань.

Даже если бы их судьба не была predetermined заранее, они перебрали предельный лимит вопросов и сами распорядились своими жизнями. Потому что Дауд никогда не изменял установленные правила.

– Какой самолет? Какое золото? Будьте серьезней!

Азат взял себя в руки и теперь говорил совершенно спокойно:

– Мы должны установить геодезический знак в определенной точке. Вот потому я и привязываюсь к карте... Пошли дальше, скоро вертолет придет. А то стемнеет, придется ночевать...

– Что ж эти козлы нас так далеко выбросили? – спросил Хмурый.

– Ближе не получалось...

– А теперь получится? Как же они нас забирать будут?

Азат уже перестал считать вопросы – их количество ничего не меняло. Он был терпелив и заботлив, как опытный педагог с любимыми учениками.

– Дело в метеопрогнозе, – мягко объяснил он. – Днем дул ветер, к вечеру ветер стихнет. К десяти будем дома. У вас есть приличное место, где можно хорошо отдохнуть?

Недовольный вздохнул.

– Да место-то есть...

– Ну, и отлично! Тогда вперед! Только смотрите под ноги – на темные полосы и пятна не наступать...

– Почему?

– Потому, что это трещины! – рявкнул Азат. – И пернуть не успеешь, как провалишься на сто метров! А может, и на двести!

Он действительно был озабочен. Закрытые трещины – не всегда темные. Поэтому по ледникам надо ходить ночью или рано утром – после обеда снег становится мягким и снежные мостики над трещинами не держат нагрузки – проваливаются под любым весом. Опытные люди всегда ходят по утрам: ночью – свой риск...

Троица снова двинулась вперед. Прошли с километр, потом начались крутые зигзагообразные тропы, связку пришлось разбить, теперь шли по одному, протискиваясь сквозь расщелины, обходя валуны, иногда падая на четвереньки и с трудом распрямляясь под тяжестью рюкзаков.

Спустя два часа вышли на подходящую площадку в седловине между двух вершин. Вокруг лежали льды и спрессованный снег, посередине ветер своей жесткой метлой расчистил до скальной поверхности пятючок десять на пять метров. Азат еще раз сверился с навигатором и сделал карандашную отметку на карте. Они находились в семистах метрах от «точки». Отлично!

– Найдите трещины или какие-нибудь выбоины – надо установить знак! – скомандовал он.

«Животные», которые считали себя компаньонами, начали рыскать по площадке, всматриваясь под ноги. Они напоминали бестолковых собак, безуспешно пытающихся взять след. Губы Азата кривились в презрительной усмешке.

В конце концов, подходящее место нашли: несколько пересекающихся трещин образовали в граните треугольник, в одном углу образовалась узкая дыра, уходящая почти вертикально вниз. Она напоминала нору, но на такой высоте не водятся мелкие животные...

– Расширяйте здесь и здесь! – указал рукой Азат.

Его спутники распаковали рюкзаки, на свет появились кувалда и подобие большого зубила из легированной стали. Звуки ударов разнеслись далеко по окрестностям. В расширенные щели Азат заложил толовые шашки, поджег шнуры. Все трое отбежали и спрятались за валуны. Три взрыва слились в один. Вверх полетели куски горной породы, клубами поднялся черный дым. Грохот взметнулся вверх и спугнул огромного снежного барса, наблю-

давшего со скалы за опасными пришельцами. Поджав хвост, он метнулся назад, растворившись среди наледей и сугробов.

Азат развернул свой сверток. Вместо ожидаемой винтовки там оказались легкие трубы из титана. Через несколько минут он собрал их воедино. Получилось нечто, действительно похожее на геодезический знак: двухметровая труба с треногой в основании. Каждую из трех «ног» вставили в пробитую дыру, обложили осколками камней, засыпали серым порошком из рюкзака Недовольного.

– Гля, я думаю – что за тяжесть я на горбу тащу! – выразил недовольство тот, оправдывая свое прозвище. – Чё это за гадость?

– Это термоцемент, – сквозь зубы процедил Азат, раскладывая сверху сухой спирт и сосредоточенно поджигая таблетки. – Сейчас подогрею, он схватится... Гарантия – двадцать пять лет...

– А раз я его принес, значит, имею право пос...ть! – хохотнул Недовольный.

– Только не мне на спину, – буркнул Азат, бросая в огонь топливные брикеты из рюкзака Хмурого.

– Да ладно, отойду, – снисходительно процедил Недовольный.

Брикеты разгорались. Азат и Хмурый заворуженно смотрели в костер.

– И что дальше? – спросил Хмурый.

– Затвердеет, и пойдем вниз...

– Ну, наконец-то, – вздохнуло «вьючное животное».

– А-а-а! – раздался неподалеку отчаянный крик.

В нем было столько ужаса, что Азат сразу все понял. Недовольный допустил ошибку – отошел дальше, чем следовало, и вышел на лед. Второй ошибкой стало то, что он мочился себе под ноги, от чего поверхность ледяного панциря подтаяла, он поскользнулся, опрокинулся на спину и покатился к краю площадки, а ледоруб остался у костра, и это была третья ошибка. Но он совершил и четвертую – во время скольжения перевернулся на живот, раскинул руки и пытался зацепиться, остановиться, удержаться: следовало остаться на спине и тормозить «кошками» – не факт, что это бы удалось, но шансов было бы больше. А сейчас у него не осталось ни одного шанса. Ногти скользили по твердой холодной поверхности, обламывались, пальцы оставляли кровавые полосы, но скорость только нарастала.

– А-а-а-а-а!

Сила инерции выбросила еще живое тело с площадки, истошный крик удалялся, слабел и, наконец, смолк. Хмурый подпрыгнул на месте.

– Давай быстрее! Надо его вытаскивать! Где веревки?!

– Откуда вытаскивать? Он вниз улетел. От него ничего не осталось.

– Как так?! Да ты чего, гнида?! Мы на такое не подписывались!

Хмурый пошарил взглядом по сторонам, нашел свой «Тигр», бросился к нему, схватил, щелкнул затвором... Но ему не следовало тягаться с Даудом. Во-первых, потому, что автомат у того всегда был под рукой, во-вторых, он был тренированнее и быстрее, в-третьих – стрелял без промаха. И сейчас одиночный выстрел хлопнул раньше, чем приклад «Тигра» лег к плечу. У допустившего три ошибки Хмурого появился третий глаз на переносице, что не сделало его лицо более привлекательным и приятным. Карабин упал на гранит и выстрелил, пуля свистнула совсем рядом. Азат выругался. Еще не хватало вот так, по-глупому...

Но хорошо, когда все хорошо обходится... По привычке Азат отбросил карабин подальше от трупа – на всякий случай. Потом осмотрел свою работу. Брикеты прогорели, термоцемент схватился намертво. Конечно, двадцать пять лет «геодезический знак» не простоят, но ему столько и не требуется...

Азат извлек из своего рюкзака радиомаяк в специальном противообледенительном контейнере, привинтил к треноге, включил ждущий режим. Теперь прибор будет спать, эко-